

КОНСТРУКТ КОНСПИРАТИВИСТСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ¹

В. И. Пищик

Пищик Влада Игоревна

Эл. почта: vladaph@yandex.ru. ORCID 0000-0002-3909-3895

Донской государственный технический университет, пл. Гагарина 1, Ростов-на-Дону, 344000, Россия

Аннотация. В психологии еще в недостаточной степени разработан конструкт конспиративистской ментальности. Цель статьи — описать теоретические основания построения конструкта конспиративистской ментальности поколений и сформировать ее теоретическую модель. Определена центральная категория теории — вера; основные понятия — вера в заговоры, убеждения, конспиративистские установки. Сопоставлены различные точки зрения на понятие «вера в заговоры» историков, культурологов, лингвистов, психологов. Выявлены признаки, определяющие понятие: суженность образа мира, иррациональность, несистемность, секретность, мифичность, пластичность, социально конструируемое, предубежденность, объяснительная схема. Соотнесены по смыслу смежные понятия: конспиративистские установки, убеждения, мышление, интерпретации, мировоззрение, культура. Время, ситуация, личностные характеристики — это факторы, на которые опирались ученые, строя модели конспиративистского мышления, убеждений, веры в заговоры. Проанализированы имеющиеся модели конспиративистского мышления, убеждений, веры в заговоры. Гипотетически определены 4 шага принятия на веру информации о заговоре: восприятие, эмоциональная оценка, принятие / отторжение, оценка последствий. Исходя из этапов принятия на веру информации о заговоре, синтезированы 4 вида конспиративистской ментальности: готовый — установка принять заговор; устойчивый — отклоняющий веру в заговоры; ищущий — стремящийся определить истинную реальность заговора; результативный — озадаченный последствиями заговора в парадигме веры или неверия в заговоры. Предварительная эмпирическая проработка конструкта, с применением новой авторской методики измерения конспиративистской ментальности на 423 респондентах — студентах ростовских вузов, позволила определить двухфакторную модель конспиративистской ментальности и выявить возможность наличия смешанных типов конспиративистской ментальности. Первый фактор объединил устойчивый и готовый виды, а второй фактор — результативный и ищущий. Планируется в дальнейшем провести эмпирическую проверку теоретической модели.

Ключевые слова: конспиративистская ментальность, вера в заговоры, конспиративистские убеждения, традиционная/инновационная ментальность, виды конспиративистской ментальности, двухфакторная модель.

Введение

Сегодня мы наблюдаем стремительные изменения в информационном пространстве, когда возрастает количество всевозможных теорий заговоров, воздействие которых имеет пагубное влияние на умы и поведение людей. В современном мире стоит остро проблема противостояния вере в заговоры среди молодежи. Начиная с 1987 г. в результате перестройки сломалась традиционная ценностная структура общества в России, представители поколения Y с детства находились под сильным влиянием тех переживаний, которые испытывали их родители, принявшие тяготы перестройки на себя. Мы предполагаем, что и влияние теорий заговора будет сильно

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта №22-28-00520 «Трансформация конспиративистской ментальности молодежи поколения Y и Z».

на них. Поскольку поколение Z формировалось с 2000 г., когда страна переживала и до сих пор переносит потрясения и в экономике, и в политике, и культуре, то предположим, что неустойчивость жизненной ситуации также может оказать негативное влияние на молодежь в восприятии угрожающей, враждебной информации, привести к неравновесным психическим состояниям (Ясько, Омельченко, Бабичкова, 2022). Наряду с этим конструкт конспиративистской ментальности (КМ) в психологии еще не разработан в достаточной степени. Количество публикаций растет, но сущностные основания веры в заговоры не выявлены (Douglas & Sutton, 2023). Актуальность темы определила цель статьи — описать теоретические основания построения конструкта КМ поколений и формирования ее модели.

Разработка конструкта

Сегодня конспирология — это явление массовой культуры, моды (Ward & Voas, 2011). В современных теориях заговора социологи усматривают черты постмодернистского стиля, выражающегося в особенностях конспирологического сознания: нерелигиозность, светскость, фатальность, неизбежность нового поворота событий, агрессивность, одномоментность, ненависть к настоящему, разные системы координат в оценке происходящего (Дугин, 2005). В проблеме сталкиваются две тенденции: скрываемость, секретность и транспарентность, ясность. Данные черты конспиративизма, на наш взгляд, отвечают вызовам современных обществ, развитие которых характеризуется неустойчивостью, быстротечностью смены событий, размытостью границ во всем, неопределенностью, отсутствием альтернатив.

Культурологи под конспирологией понимают особую мировоззренческую культуру (Панченко, 2019). В ее основе лежит концепт тайны, который нарушает конвенциональное понимание причинно-следственных связей различных событий. Теория заговора представляет собой особую мифологию (Дмитриева, Ванюшина, 2021), которая постепенно в истории стала традицией, перешедшей в XXI в. (Brotherton, French & Pickering, 2013). В российском варианте веры в заговоры часто отражаются эсхатологические мотивы (Мельникова, 2004). Вводится представление о наличии культуры недоверия (Кормина, 2015), понимаемой как «комплекс социальных страхов и предубеждений, возникающих в результате работы обывательского критического мышления». Вера в заговоры является ее частью.

Конспирология используется как технология в политике, формируя тренды общественного мнения, и понимается как определенный стиль в политике (Яблоков, 2013; Кадурина, 2013). «Конспирологический дискурс стал неотъемлемой частью общественной жизни многих стран мира ввиду пластичности формирования его системы аргументации» (Яблоков, 2013, с. 122). Обнаружено (van Prooijen, Ligthart, Rosema & Xu, 2022), что популистские настроения прочно ассоциируются с менталитетом заговорщиков. Цифровая революция ускорила формулирование и распространение теорий заговора.

В лингвистике конспирология — это особый тип дискурса, часто смешиваемый с детективным, содержащий остросюжетную композицию и подозрительный субъект. Фрейм теории заговора относят к фрейму-сценария (его компоненты — субфрейм «Могущественные враги», «Идея») (Дмитриева, Ванюшина, 2021).

Исследования КМ были расфокусированы, изучались отдельные ее составляющие, попытки измерить конспирологические идеи выступали разрозненными, и в литературе отсутствовал четкий теоретический подход к исследованию (Brotherton,

2013). В своем психологическом анализе мы будем придерживаться позиции, что объективные социальные законы и субъективные психологические влияют на формирование веры в заговоры.

Заговор в психологии был определен как то, что объединяет неразрывной тайной связью представителей различных религий, партий или этносов (Moscovici, 1987). Объектом такой связи служат разжигание, переворот в жизни общества, обострение кризисов и др. (Зиновьев, 2014). Традиционно определение заговора отличается от юридического толкования и представляет собой «соглашение между двумя или несколькими лицами относительно совершения преступления в какой-то момент в будущем» (Thresher-Andrews, 2013). Исследователи редко приводят комплексное обоснование выбранных ими критериев определения заговора. Их выбор часто отражает особые теоретические предпочтения ученых.

Мы полагаем, что центральной категорией теории КМ является вера, которую мы понимаем как психологическое состояние, в которое человек может войти, когда он стоит перед выбором экзистенциальных дилемм, разрешить которые человек не может и ищет виноватого или всесильного. С. Жижек (2020) полагает, что надобности верить нет, но как только мы предполагаем, что кто-то верит, то это начинает структурировать реальность. В этой реальности появляются те, кто верит, мы тоже начинаем верить. Как отмечает В. А. Горячев (2012), состояние веры содержит ориентир, источник, жизненный смысл. Причастность к жизненному смыслу, на наш взгляд, и определяет значимость и весомость этого состояния для человека.

Центральным понятием теории КМ выступает вера в заговоры. Обобщая имеющиеся представления о вере в заговоры и конспиративистских убеждениях, можно заключить, что КМ объединяет ряд монологических (Goertzel, 1994), общих, тайных (Артеев, 2022; Казун, Поршнева, 2021, Казун, 2022), параноидального толка, ложных (Swami, Furnham, Weis, Lay & Clow, 2016), контрнарративных (Pierre, 2020), системных, основанных на сговоре группы людей или отдельного человека (Dentith, 2016), слабо доказуемых убеждений (Brotherton, 2013), направленных против общества, общности, групп, отдельного человека.

К. Douglas и другие исследователи (2023), обобщив многие точки зрения, обосновали специфические признаки веры в заговоры. Такая вера склонна к ложности, имеет общественный интерес, имеет творческую силу для интерпретации социальных реалий, является оппозиционной, эпистемически рискованна; является частью политической борьбы различных властных структур, описывает злонамеренные или запрещенные действия, нуждается в секретности, в целом должна приводить к пагубным результатам или запрещаться. Теории заговора приписывают свободу действий отдельным лицам и группам; многие теории заговора нацелены на бесправные группы или отдельных лиц; они могут отвлечь внимание от присущих недостатков или систематических проблем общества; ухудшают межгрупповые отношения; имеют интуитивную привлекательность по сравнению с рациональным анализом. Фактически авторы определяют веру в заговоры как форму борьбы властных структур. Заметим, что, критикуя иные точки зрения, авторы склоняются к специфическим особенностям веры в заговоры в большей степени в политической сфере, что также, на наш взгляд, ограничивает этот конструкт.

Теорию заговора можно понимать как объяснительную схему или область интерпретации, приводящую к определенным убеждениям. В социальной психологии это определяется как феномен каузального атрибутирования (причинного при-

писывания), описанного в атрибутивной теории «наивной психологией» (Heider, 1958). При этом оно может быть внешним (влияние обстоятельств на человека) или внутренним (влияние черт, мировоззрения и характера на личность человека). Приписывание причинности связано обычно с какими-либо чертами человека, объектами или обстоятельствами (Kelley, 1967). Полагается, что чем поведение человека наименее соответствует культурной норме или ролевым ожиданиям, тем оно более оценивается и ему приписывается какая-либо атрибуция. Учитывая, что события, создающие заговоры, никак не вписываются в культурные нормы или нарушают их, то и атрибутируются характеристики заговоров субъектам заговора.

Подмечено, что есть общая склонность верить в теории заговора, и нет склонности отмечать специфическое ядро для содержания веры (Sternisko, Cichocka & VanBavel, 2020) в конкретной теории заговора (Sutton & Douglas, 2020).

Когда человек нечто принимает на веру, то оно может стать убеждением, составляя для него рациональную или иррациональную причинность. Комплекс подобных убеждений может определять некоторую направленность мышления человека.

Понятие «конспирологические убеждения» (Goertzel, 1994) сосуществует с иными, которые используются в психологической литературе по теориям заговора, включая «конспирологические идеи» — степень, в которой индивид склонен принимать или отвергать теории заговора в целом (Swami, Coles, Stieger, Pietschnig, Furnham, Rehim & Voracek, 2011), «конспирологический менталитет» (Bruder, Haffke, Neave, Nouripanah & Imhoff, 2013), «конспирологическое мышление» (Moscovici, 1987; vander Linden, Panagopoulos, Azevedo & Jost, 2021, Казун, 2022), «конспирологическое мировоззрение» (Wood & Douglas, 2015).

Конспиративистские убеждения содержат ряд установок. Конспиративистские установки мы понимаем как готовность человека воспринимать в качестве истинных представления о предмете заговора, находиться под влиянием негативного эмоционального состояния и принимать решения, предлагать свое мнение участникам или наблюдателям заговора согласно вере в заговоры.

В результате под воздействием конспиративистских установок в трудных жизненных ситуациях может конструироваться особая конфигурация значений, смыслов и ценностей, составляющих ядро КМ. КМ представляет собой склад ума адепта заговора, направленный на предмет заговора, которому атрибутируют особые негативные последствия для личной и / или общественной безопасности. Предмет заговора — это реальное или иллюзорное событие, которое определяется с позиции различных объяснительных, причинных схем угрозы (Пищик, 2019), конструируемая реальность (Boltanski, 2012). Субъектами заговора выступают отдельный человек или группа людей, объединенные совместной заговорщической деятельностью или общей интерпретацией теории заговора. Объектами заговора выступают и большие группы, и отдельный человек. В результате формулируется и распространяется определенная теория заговора.

Одним из психологических механизмов принятия теории заговора может являться механизм переноса, описанный психоаналитической школой. Если с инкорпорированным внутренним значимым объектом нарушены отношения, то негативные чувства могут порождаться во взаимодействии с другими людьми, на которых переносится образ этого объекта. Негативным чувством может выступать угроза, страх.

Существуют различные обоснования популярности теории заговора, но ее можно объяснить и с позиции теории обмена (Homans, 1964). Выгоды и издержки, которые получает человек благодаря социальному обмену, могут приводить к тому (Zajenkowski, Górnjak, Wojnarowski, Sobol & Jonason, 2022), что люди готовы делиться теориями заговора, когда ожидают, что такие теории, по сравнению с фактическими новостями, вызовут достаточно высокий уровень социальной вовлеченности (они получают «лайки»).

Для построения авторской модели КМ мы обратились к уже созданным моделям. Анализ различных исследований теоретических и эмпирических моделей конспиративистской ментальности позволил нам условно определить на сегодня несколько видов таких моделей: сценарная, ситуативная, индивидуальная и социально-психологическая (см. табл. 1).

Исходя из представленных моделей можно заключить, что обозначились определенные факторы (ситуативные и личностные), предсказывающие направление мышления в конспиративистскую сферу. Исследования выявили демографические (например, образование) (van Prooijen, 2017), когнитивные (например, социальные когнитивные процессы) (Douglas et al., 2023) и мотивационные факторы (социально-психологические мотивы, которые можно охарактеризовать как эпистемические (например, стремление к пониманию, точности и субъективной определенности / неопределенности) (Douglas et al., 2019; Pierre, 2020; Казакевич и др., 2022), экзистенциальные (например, стремление к контролю и безопасности) (Kay, 2021; Пищик, Лобачева, 2022) и социальные (например, желание поддерживать позитивный образ себя или группы, потребности в принадлежности) (Green & Douglas, 2018; Ståhl & Prooijen, 2018; Poon, Chen & Wong, 2020), лежащие в основе приверженности людей убеждениям в конспирации и менталитету заговорщиков. Эти предикторы применимы к теориям заговора, которые являются ложными, но и к тем, которые являются истинными.

Этот обзор предоставляет доказательства того, насколько различные формы поведения, связанные с убеждением в заговоре или с конспиративистским мышлением, зависят от контекста и времени. Мы предполагаем, что в основе веры в заговоры лежит искажение восприятия информации. При этом допускаем, что восприятие чего-либо заведомо ложного в качестве истины длительное время ведет к образованию устойчивой КМ.

КМ в процессе своего формирования создает дополнительные смыслы, значения, сверхценности предмета заговора. Мы хотели бы применить принцип дополненности к психологии мышления, когда две посылки к рассуждению о предмете заговора (например, Земля круглая или плоская) являются противоположными и одна из них ложная. Человек отказывается от истинной (круглая) и принимает ложную посылку (плоская) за истинную. Субботский (2000) отмечает, что человек находится в этой ситуации в сознании, но разум отключается — «магическая манипуляция сознания». Опишем механизм названного явления.

Была предложена «восходящая типология», которая отображает различные фазы прогрессирования веры в заговоры от стадий скептического сомнения в официальных повествованиях до полномасштабного принятия коллективных теорий заговора и веры в то, что вся реальность является иллюзией (Franks, Bangerter, Bauer, Hall & Noort, 2017). Чтобы как-то оправдать отказ от истинного содержания, создается дополнительный смысл, значение заблуждению (например, нас обманывали со

Таблица 1. Модели, выстроенные по проблеме веры в заговоры
 Table 1. Models constructed around the problem of belief in conspiracies

Авторы	Факторы и составляющие, отраженные в моделях
A. Г. Дугин (2005)	Сценарная модель. В центре заговора стоят люди, объединенные тайной, имеющие выраженную аномалию психики, с низкими моральными принципами. Цель общества заговора — формирование противоположной реальности настоящему и уничтожение «нормального» хода истории.
V. Swami (2010)	Структурная модель включает интеграцию различных предикторов конспирологических убеждений. Шкала политического цинизма связана с базовыми конспиративистскими верованиями, которые сопряжены с поддержкой демократических принципов, открытостью. Разоблачение конспиративизма связано с открытостью и с установками авторитаризма.
K. M. Douglas, J. E. Uscinski, R. M. Sutton, A. Cichocka, T. Nefes, C. S. Ang & F. Deravi (2019)	Теоретическая модель включает следующие мотивы, обуславливающие веру в заговоры: эпистемические (стремление к пониманию, точности), экзистенциальные (стремление к контролю и безопасности) и социальные (социальное групповое давление).
J. M. Pierre (2020)	Двухкомпонентная социально-эпистемологическая модель веры в теории заговора, включающая эпистемическое недоверие к социальным институтам, при первичном воздействии информации ведущее к эпистемическому вакууму в ситуации неопределенности, при повторном воздействии приводящее к «эффекту иллюзорной правды» при обработке дезинформации. Вера в заговоры возникает в кризисном развитии общества.
T. Beemster, N. Bijleveld & J. Treur (2021)	Адаптивная сетевая модель конспирологического мышления, представляющая координацию факторов (окружающая среда и личностный), влияющих на становление мышления о конспиративистских теориях. К окружающей среде были отнесены восприятие риска, чувство тревоги, изоляция / отчуждение, стресс, чувство индивидуального контроля. Личностные факторы — конспирологические стили рассуждений, психопатологические черты, аналитическое мышление, социальный класс, нарциссизм.
A. Dyrendal, L. E. Kennair & M. Bendixen (2021)	Индивидуальная модель, включающая вклад индивидуальных различий в измерения веры в заговоры. Предикторами веры в заговоры выступают: шизотипические черты (странные убеждения — для мужчин, магическое мышление, параноидальные идеи — для женщин), ориентация на социальное доминирование — для мужчин, авторитаризм правого крыла — у женщин, паранормальных верований — у мужчин.
C. S. Kay (2021)	Социально-психологическая модель представляет взаимосвязи грандиозного нарциссизма и уязвимого нарциссизма с конспирологическими идеями. Медиаторами этой связи выступили: бредовые идеи, паранойя для уязвимого нарциссизма, чувство уникальности (для грандиозного нарциссизма), стремление к контролю.

школы, доказывая округлость земли). Для усиления эффекта она привязывается к сверхценности (ценность Я (доверяй своим сенсорным системам), ценность мистического (это не зависит от нас, этим управляет некая сила)), актуализирующей страхи (утрата себя, нас могут обманывать и в других вещах). Таким образом, формируется две истины, реализуя принцип дополнительности. В какой-то мере это стабилизирует (поскольку нет ложных посылок и следствий) и дестабилизирует (поскольку две истины сосуществуют одновременно, перегружают сознание) нашу психику. Последняя становится предпочтительной. Эмоциональный фон этого может быть заключен в том, что за латентным смыслом веры в заговоры, страхом перед какими-то обстоятельствами скрывается неосознаваемая, завуалированная ненависть к другим. Хотелось бы обратить внимание, что современная молодежь в исследованиях обозначена как в большей степени нарциссичная (Twenge & Campbell, 2009; Пищик, 2021), а из этого следует, что здесь с точки зрения явления переноса в психоаналитическом ключе можно констатировать наличие у молодежи нарциссического переноса на мир грандиозной или уязвленной самости. Это может породить неосознаваемый поиск угрозы от мира. Хотя данную гипотезу сложно доказать. Однако это на индивидуальном уровне.

В своих рассуждениях мы исходили из положения, что на групповом уровне ментальность представляет совмещенную систему, сочетающую особые значения, смыслы и ценности, обуславливающие образ мира, жизни и программы поведения поколения (Пищик, 2019). Организацию ментальности составляют архетипы, образ мира, образ жизни, стиль мышления, особенности отношений, особенности взаимодействия. Каждая из этих составляющих может иметь признаки традиции, переходности, инновации и постинновации, что определяет тип ментальности. Тип ментальности определяется категорией людей, которые относятся к различным поколениям и имеют статистически установленные отличия в перечисленных составляющих. КМ — это вид ментальности. Вид — единица классификации представителей поколений, относящихся к одному типу поколений. Например, у группы выявлен традиционный тип ментальности и при этом среди представителей поколений могут встречаться различные виды ментальности (религиозный, конспиративистский и др.).

Поколения как субъекты или объекты заговора представляют собой большую социальную группу, которая мало структурирована, но объединена схожей картиной мира, образом жизни, ценностями (Пищик, 2019), коллективной памятью, жизнестойкостью (Постникова, Микляева, Сиврикова, Регуш, 2022). При этом имеется яркая региональная специфика.

Тип поколения определяется нами через исторический тип ментальности (советское, переходное, постсоветское, новое) (Пищик, 2019). Мы предполагаем, что в группах поколений, относящихся к одному типу поколений, можно встретить различные виды КМ. В этой связи первоначально нам необходимо было определиться с тем, проявляется ли дискурс конспиративизма в поле традиции или инновации поколений. Зародился концепт заговора в традиции, например, в форме образа врага, направляющего свои силы против социального строя и традиционных ценностей (фон Биберштайн, 2010), но получил свои современные формы в поле инновации, включая идеи чипирования населения и др. Тогда необходимо понять, чем отличается традиционная КМ от инновационной (по аналогии с традиционным и инновационным типом ментальности).

О традиции мы знаем, что она характеризует устоявшийся образ мира и жизни человека, устойчивую идентификацию с определенной социальной группой. КМ в этой связи проявляется в отступлении от традиции под видом ее сохранения. При распространении инновации в отношениях людей не характерна групповая идентификация, мир видится неустойчивым и текучим (Пищик, 2019). Неустойчивость определяет рост форм веры в заговоры. Можно предположить, что устойчивая идентификация лежала в основе формирования традиционных, легитимных форм веры в заговоры. За верой в заговоры стояла группа людей. А инновационная неустойчивость и отсутствие идентификации порождали новые формы веры в заговоры. И теперь заговор может воссоздаваться отдельным индивидом, иногда воображаемым информационным пространством, сетью. Таким образом, пространство КМ мы подразделяем на традиционное и инновационное.

Если исходить из представлений о социальном познании Moscovici (1987) и модели конспирологического мышления Beemster, Bijleveld & Treur (2021), то можно определить некоторые шаги восприятия теорий заговора людьми: 1-й шаг — столкновение и восприятие информации о наличии заговора; 2-й шаг — эмоциональный отклик и / или сопоставление данных с имеющейся информацией о предмете заговора (не все это могут делать); 3-й — принятие информации на веру или отторжение ее; 4-й шаг — оценка последствий данной информации. В результате формируется отношение к предмету заговора, порождаемое определенными установками.

Мы предположили, что можно выделить 4 вида установок по отношению к предмету заговора: устойчивый к заговорам и готовый принимать заговоры, ищущий объяснение заговорам и оценивающий результат влияния теорий заговора. Представленные типы могут определить вид КМ:

- готовый — субъект, которому он присущ, стремится к определению порядка, гармонии в событиях, фактах;
- результативный — субъект стремится найти смысл и последствия в случайных событиях, фактах;
- ищущий — субъект стремится найти объяснение всяким противоречащим событиям, фактам;
- устойчивый — субъект стремится быть критичным к имеющимся событиям, фактам.

Нас интересовала взаимосвязь видов КМ и видов веры в заговоры (Пищик, 2019).

Можно выделить 4 пересекающихся пространства КМ (рис. 1).

Принятые сокращения: виды КМ (устойчивый, ищущий, результативный, готовый), ВОЗ — вера в общественный заговор, ВПЗ — вера в политический заговор, ВФЗ — вера в фармацевтический заговор, ВТО — вера в тайные организации, ВГЗ — вера в государственный заговор, тревога.

Как мы представили на рисунке, устойчивый вид КМ примыкает к пространству ищущего вида. Другое пространство результативного вида примыкает к пространству готового. Заметим, что тревога располагается в пространстве готового и результативного видов. И все представленные виды веры в заговоры также находятся в указанном пространстве.

Определив пространства в отношении веры в заговоры, можно концептуально представить и остальные составляющие конспиративистской ментальности. Мы предполагаем, что готовый тип КМ характеризуется неустойчивым стилем мышления не в традиции и не в инновации; образ мира катастрофизирован, присущи

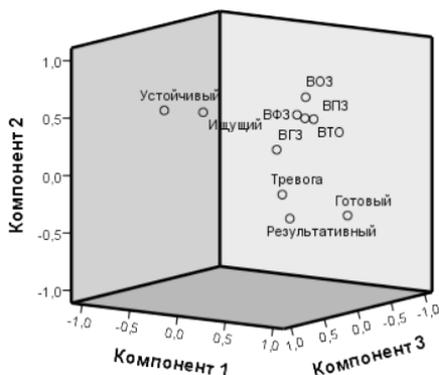

Рисунок 1. Пространства КМ
Figure 1. Spaces of Conspirativist Mentality (CM)

мистическое мышление, дистанция власти, авторитаризм, уязвленный нарциссизм, социальное доминирование, враждебность, застревание на негативном прошлом. Результативный тип: инновационный, экологичный тип отношений, переходный архетип, за которым скрывается стремление к силе и свободе, тревожный, паранойяльный. Ищущий тип: инновационный образ мира, активный, процессоориентированный, аналитический стиль мышления. Устойчивый тип КМ: инновационный образ мира, критичное мышление, открытый, индивидуалист, эмоциональная индифферентность. Данные предположения требуют дальнейшей эмпирической проработки.

Результаты

Следующий шаг — предварительная эмпирическая проработка выстроенной теоретической модели. Опрашивали 423 респондента (70% женщины), студенты вузов г. Ростова-на-Дону, работающие и неработающие. Применили методику измерения конспиративистской ментальности (Пищик, 2023). Методика включает 32 утверждения, разделенных по позициям. Позиция 1 включает подтверждение наличия заговора; 2 — отношение к неопределенности в ситуации заговора; 3 — устойчивость веры в заговор; 4 — оценка заговора; 5 — уровень тревожности; 6 — отношение к угрозам мира; 7 — ожидание угрозы от людей; 8 — степень устойчивости жизни на Земле. Ключ к методике позволяет отнести утверждение к 4 видам конспиративистской ментальности (готовый, устойчивый, ищущий, результативный) и присвоить ему балл (степень выраженности вида).

Провели эксплораторный факторный анализ данных. Метод выделения факторов: метод главных компонент. Результаты представлены в табл. 2, 3.

Объясненная совокупная дисперсия у фактора 2 составляла 100%. В фактор 1 вошли переменные: устойчивый тип (вес = 0,869), готовый (-0,759). В 2 фактор вошли: ищущий тип (-0,758), результативный тип (0,862). В итоге получена двухкомпонентная модель конспиративистской ментальности. Подтверждена гипотеза о полярности континуума типов устойчивый и готовый, а также типов ищущий и результативный. При этом были выявлены смешанные типы КМ. Например, устойчиво-ищущий. Наличие смешанных типов позволяет предположить, что есть возможный еще один латентный фактор, определяющий КМ.

Таблица 2. Объясненная совокупная дисперсия

Table 2. Explained cumulative variance

Ком- по- нент	Начальные собственные значения			Суммы квадратов нагрузок извлечения			Суммы квадратов нагрузок вращения		
	Всего	% дис- персии	Сум- марный %	Всего	% дис- персии	Сум- марный %	Всего	% дис- персии	Сум- марный %
1	1,690	42,241	42,241	1,690	42,24	42,241	1,442	36,052	36,052
2	1,088	27,210	69,451	1,088	27,21	69,451	1,336	33,398	69,451
3	0,861	21,535	90,985						
4	0,361	9,015	100,00						

Таблица 3. Повернутая матрица компонентов

Table 3. Rotated matrix of components

Виды КМ	Компонент	
	1	2
Устойчивый	0,869	-0,130
Ищущий	0,319	-0,758
Готовый	-0,759	0,028
Результативный	0,093	0,862

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера.

Обсуждение результатов

Сравнивая нашу теоретическую модель КМ с наиболее близкой по содержанию моделью Beemster, Bijleveld & Treur (2021), можно заключить, что по аналогии мы исходим из этапов восприятия и принятия / непринятия заговора, как и авторы. Исследователи представили ситуативные факторы (например, влияние друзей), мы этот фактор не учитывали в конструкте. Однако принимаем культурный фактор за ведущий, поскольку берем характеристики традиционности / инновационности ментальности и полагаемся на исследования (Krüppel, Yoon & Mokros, 2023), где демонстрируется, что ситуативная тревожность не всегда имеет тесную корреляцию с верой в заговоры.

Сравнивая предлагаемую модель с теоретической моделью Douglas с соавторами (2019), мы также учитываем наравне с эпистемическими, социальными и экзистенциальными мотивы, определяя веру в заговоры как состояние выбора в сложных экзистенциальных проблемах, но при этом опираемся на культурный контекст.

Применяемый многими исследователями факторный анализ демонстрирует, что несколько показателей веры в теорию заговора имеют однофакторную структуру (Swami et al., 2011; Bruder et al., 2013). Выявлены также теории, предполагающие заговор против афроамериканцев, имеющие двухфакторную структуру (Simmons & Parsons, 2005), которую можно сопоставить с нашей двухфакторной структурой. В предлагаемой авторами модели фактор 1 составляли представления о том, что правительство скрывает свои намерения, фактор 2 показал, что правительство

принимает участие в планировании заговоров. В целом в нашем конструкте фактор 1 — степень готовности воспринимать заговор, а фактор 2 — степень активности по отношению к нему. В каком-то смысле нашу модель можно сопоставить с предлагаемой. Мы предполагаем, что в дальнейшем можно будет определить и иные виды КМ, что выявит большее количество факторов.

Следующей процедурой планируется проведение конфирматорного факторного анализа для построения эмпирической модели КМ для подтверждения построенной теоретической модели.

Выводы

1. Анализ исследований по проблеме выявления особенностей веры в заговоры, который может модифицироваться в КМ, показал, что они исследуются в различных областях знания. КМ связывается с определенными культурными эпохами, например, как мировоззренческое проявление постмодерна. КМ выступает и как особый стиль в политике. Социологи, указывая на секуляризацию религии, видят замену ей в КМ. Лингвисты отмечают близость конспиративистского дискурса к детективному. Фактически КМ приобрела большое количество характеристик, в которых утратилась ее специфичность.

2. Психологические аспекты рассмотрения КМ позволили выявить ее факторы: социальные, личностные, ситуативные, культурные. Сегодня ни один из этих факторов не имеет статуса ведущего.

3. Нами обнаружено большое количество понятий, которые сопряжены с проявлениями веры в заговоры от конспиративистских установок до конспиративистского мировоззрения. Центральной категорией теории КМ выступает вера как совокупность идей, принимаемых без доказательств. Убеждения, которые продуцируются этой верой, конструируются в воображении. Обобщив имеющиеся представления, мы определили КМ как некоторую мыслительную направленность группы людей на предмет заговора, создающую картину катастрофизации жизни в целом. Важную роль здесь играет культурная, социальная, личностная готовность к такому выбору.

4. Мы ознакомились с имеющимися разнонаправленными моделями конструкта или отдельных составляющих КМ. В построении нашей модели КМ мы исходили из процесса верования в заговоры.

5. Обозначив процесс восприятия, принятия веры в заговоры, мы определили 4 вида КМ (устойчивый, ищущий, готовый и результативный). Гипотетически мы описали их содержание, составляющее особенности архетипов, образа мира, образа жизни, отношений, взаимодействия и стиля мышления.

6. Предварительная эмпирическая проработка конструкта позволила нам выделить двухфакторный конструкт КМ, представляющий собой факторы: степень включенности в веру в заговоры и активность по отношению к ней. Были обнаружены смешанные виды КМ, сочетающие различные виды, однако их процент в группе был очень низок. Это определяет дальнейший план проверки и построение эмпирической модели.

Статья поступила в редакцию 02.12.2022
Статья принята к публикации 25.12.2022

Для цитирования: Пищик В. И. Конструкт конспиративистской ментальности: теоретическая модель. *Южно-российский журнал социальных наук.* 2022. Т. 23. № 4. С. 27-44.

Библиографический список

- Артеев, С. П. (2022). Пандемия COVID: Конспирология и антиконспирология. *Власть*, 30(1), 58–63. DOI: 10.31171/vlast.v30i1.8781
- Горячев, В. А. (2012). Классификация типов веры. *Социально-экономические явления и процессы*, 3(37), 166–169.
- Дмитриева, О. А., Ванюшина, Н. А. (2021) АПФ&ПЛ. *Тематический выпуск: Личность и общество в современном цивилизационном пространстве: язык и политика*, 4, 123–133. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-4-123-133.
- Дугин, А. Г. (2005). *Конспирология (наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне)*. М.: Евразия.
- Зиновьев, А. А. (2014). *Русская трагедия (гибель утопии)*. М.: «Издательство Алгоритм».
- Кадурина, Н. В. (2013). Конспирологические подходы к репрезентации политических процессов. *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*, 6(26). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-6-26.
- Казакевич, И., Синько, Т. В., Пищик, В. И. (2022). Модель конструкта отношения педагогов различных поколений к неопределенности. *Science for Education Today*, 12(3), 31–47. DOI: 10.15293/2658-6762.2203.02
- Казун, А. Д. (2022). Конспирологическое мышление: понятие, измерение и факторы. *Экономическая социология*, 23(2), 91–117. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-2-91-117
- Казун, А. Д., Поршнева, А. В. (2021). Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6, 549–565. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.1889
- Кормина, Ж. (2015). Дрожжи-убийцы: гастрономическая конспирология и культура недоверия в современной России. *Антропологический форум*, 27, 142–175.
- Мельникова, Е. А. (2004). Эсхатологические ожидания рубежа XIX–XX веков: конца света не будет? *Антропологический форум*, 1, 250–266.
- Панченко, А. (2021). *Люк Болтански. Тайны и заговоры. По следам расследований*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Пищик, В. И. (2019). *Ментальность поколений в текущей современности*. Москва: ИНФРА-М. DOI: 10.12737/monography_5ba0ee24675441.11909669
- Пищик, В. И. (2021). Нарциссизм и уровень тревожности Азербайджанских и Российских студентов с различными оценками аутостереотипов поведения. *Психологический журнал*, 42, 24–36. DOI: 10.31857/S020595920016044-4
- Пищик, В. И. (2023). Измерение конспиративистской ментальности: первичная психометрическая проверка диагностической методики. *Российский психологический журнал*, 20(1), 218–234. DOI: 10.21702/rpj.2023.1.14
- Пищик, В. И., Лобачева, А. О. (2022). Особенности религиозности и веры представителей «Информационного» и «Нового» поколений. *Социальная психология и общество*, 13(1), 70–86. DOI:10.17759/sps.2022130105
- Постникова, М. И., Микляева, А. В., Сиврикова, Н. В., Редуш, Л. А. (2022). Изменения жизнестойкости представителей разных поколений россиян в начале XXI века. *Социальная психология и общество*, 13(1), 87–103. DOI:10.17759/sps.2022130106
- Жижек, С., Милбанк, Д. (2020). *Монструозность Христа*. Изд-во: Рипол-Классик.
- фон Биберштайн, И. Р. (2010). *Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков*. Пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова.
- Яблоков, И. А. (2013). Теории заговора в современных политических идеологиях России и США: насколько маргинален язык конспирологии? *Политическая наука*, 4, 175–191.

- Ясько, Б. А., Омельченко, Н. В., Бабичкова, Е. С. (2022). Активизация эмоционально-ценностной и регуляторной сфер личности в условиях системного жизненного кризиса. *Южно-российский журнал социальных наук*, 23(1), 96–113. DOI: 10.31429/26190567-23-1-96-113
- Beemster, T., Bijleveld, N., Treur, J. (2021). On Becoming a Conspiracy Thinker: A Second-Order Adaptive Network Model. *Procedia Computer Science*, 190, 51–63, DOI: 10.1016/j.procs.2021.06.007
- Boltanski, I. (2012). *Énigmes et complots: Une enquête à propos d'enquêtes*. P.: Gallimard.
- Brotherton, R., French, C. C., & Pickering, A. D. (2013). Measuring Belief in Conspiracy Theories: The Generic Conspiracist Beliefs Scale. *Frontiers in Personality Science and Individual Differences*, 4, 279. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00279
- Bruder, M., Haffke, P., Neave, N., Nouripanah, N., & Imhoff, R. (2013). Measuring Individual Differences in Generic Beliefs in Conspiracy Theories Across Cultures: Conspiracy Mentality Questionnaire. *Frontiers in Psychology*, 4, 225.
- Dentith, M. R. X. (2016). When Inferring to a Conspiracy Might be the best Explanation. *Social Epistemology*, 30(5–6), 572–591. DOI: 10.1080/02691728.2016.1172362
- Douglas, K. M., & Sutton, R. M. (2023). What Are Conspiracy Theories? A Definitional Approach to Their Correlates, Consequences, and Communication. *Annual Review of Psychology*, 74(1). DOI: 10.1146/annurev-psych-032420-031329
- Douglas, K. M., Uscinski, J. E., Sutton, R. M., Cichocka, A., Nefes, T., Ang, C.S. and Deravi, F. (2019). Understanding Conspiracy Theories. *Political Psychology*, 40, 3–35. DOI: 10.1111/pops.12568
- Dyrendal, A., Kennair, L. E., & Bendixen, M. (2021). Predictors of Belief in Conspiracy Theory: The role of Individual Differences in Schizotypal Traits, Paranormal Beliefs, Social Dominance Orientation, Right Wing Authoritarianism and Conspiracy Mentality. *Personality and Individual Differences*, 173, 110645.
- Franks, B., Bangerter, A., Bauer, M. W., Hall, M., Noort, M. C. (2017). Beyond “Monologicality”? Exploring Conspiracist Worldviews. *Front. Psychol.*, 8, 861. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00861
- Goertzel, T. (1994). Belief in Conspiracy Theories. *Political Psychology*, 15, 731–42. DOI: 10.2307/3791630
- Green, R., Douglas, K. M. (2018). Anxious Attachment and Belief in Conspiracy Theories. *Pers. Individ. Differ.*, 125, 30–37. DOI: 10.1016/j.paid.2017.12.023
- Heider, F. (1958). *The Psychology of Interpersonal Relations*. New York: Wiley.
- Homans, G. C. (1964). Bringing Man Back in. *American Sociological Review*, 29(5), 809–818.
- Kay, C. S. (2021). The Targets of all Treachery: Delusional Ideation, Paranoia, and the Need for Uniqueness as Mediators between Two Forms of Narcissism and Conspiracy Beliefs. *Journal of Research in Personality*, 93, 104128. DOI: 10.1016/j.jrp.2021.104128
- Kelley, H. H. (1967). Attribution Theory in Social Psychology. *Nebraska Symposium on Motivation*, 15, 192–238.
- Krüppel, J., Yoon, D., Mokros, A. (2023). Clarifying the Link between Anxiety and Conspiracy Beliefs: A Cross-sectional Study on the Role of Coping with Stressors. *Personality and Individual Differences*, 202, 111966, DOI: 10.1016/j.paid.2022.111966
- Moscovici, S. (1987). The Conspiracy Mentality. In *Changing Conceptions of Conspiracy* (pp. 151–169). New York: Springer.
- Pierre, J. M. (2020). Mistrust and Misinformation: A Two-Component, Socio-epistemic Model of Belief in Conspiracy Theories. *J. Soc. Polit. Psychol.*, 8, 617–641. DOI: 10.5964/jspp.v8i2.1362
- Poon, K-T., Chen, Z., Wong, W-Y. (2020). Beliefs in Conspiracy Theories Following Ostracism. *Pers. Soc. Psychol. Bull.*, 46, 1234–1246. DOI: 10.1177/0146167219898944
- Simmons, W. P., & Parsons, S. (2005). Beliefs in Conspiracy Theories among African Americans: A Comparison of Elites and Masses. *Social Science Quarterly*, 86, 582–598. DOI: 10.1111/j.0038-4941.2005.00319.x

- Sternisko, A., Cichocka, A., & Van Bavel, J. J. (2020). The dark side of social movements: social identity, non-conformity, and the lure of conspiracy theories. *Curr. Opin. Psychol.*, 35, 1–6. DOI: 10.1016/j.copsyc.2020.02.007
- Subbotsky, E. V. (2000). Phenomenalistic Perception and Rational Understanding in the Mind of an Individual: The Fight For Dominance. In K. Rosengren, C. Johnson, P. Harris (Eds) *Imagining the Impossible: The Development of Magical, Scientific and Religious Thinking in Children*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511571381
- Sutton, R. M., & Douglas, K. M. (2020). Conspiracy Theories and the Conspiracy Mindset: Implications for Political Ideology. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 34, 118–122. DOI: 10.1016/j.cobeha.2020.02.015
- Swami, V., Coles, R., Stieger, S., Pietschnig, J., Furnham, A., Rehim, S., & Voracek, M. (2011). Conspiracist Ideation in Britain and Austria: Evidence of a Monological Belief System and Associations between Individual Psychological Differences and Real-world and Fictitious Conspiracy Theories. *British Journal of Psychology*, 102, 443–463. DOI: 10.1111/J.2044-8295.2010.02004.X
- Swami, V., Chamorro-Premuzic, T., & Furnham, A. (2010). Unanswered Questions: A Preliminary Investigation of Personality and Individual Difference Predictors of 9/11 Conspiracist Beliefs. *Applied Cognitive Psychology*, 24(6), 749–761. DOI: 10.1002/acp.1583
- Swami, V., Furnham, A., Smyth, N., Weis, L., Lay, A., & Clow, A. (2016). Putting the Stress on conspiracy Theories: Examining Associations between Psychological Stress, Anxiety, and Belief in Conspiracy Theories. *Personality and Individual Differences*, 99, 72–76. DOI: 10.1016/j.paid.2016.04.084
- Thresher-Andrews, C. (2013). An Introduction into the World of Conspiracy. *The British Psychological Society*, 88, 5.
- Twenge, J., Campbell, W. K. (2009). *The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement*. New York: Free Press.
- Zajenkowski, M., Górnjak, J., Wojnarowski, K., Sobol, M., Jonason, P. K. (2022). I Need some Answers, Now!: Present Time Perspective is Associated with Holding Conspiracy Beliefs. *Personality and Individual Differences*, 196, 111723. DOI: 10.1016/j.paid.2022.111723
- van der Linden, S., Panagopoulos, C., Azevedo, F., and Jost, J. T. (2021). The Paranoid Style in American Politics Revisited: An Ideological Asymmetry in Conspiratorial Thinking. *Polit. Psychol.*, 42, 23–51. DOI: 10.1111/pops.12681
- van Prooijen, J.W., Ligthart, J., Rosema, S., & Xu, Y. (2022). The Entertainment Value of Conspiracy Theories. *British Journal of Psychology*, 113(1), 25–48. DOI: 10.1111/bjop.12522
- van Prooijen, J-W. (2017). Why Education Predicts Decreased Belief in Conspiracy Theories. *Appl. Cognit. Psychol.*, 31, 50–58. DOI: 10.1002/acp.3301
- Ward, C., & Voas, D. (2011). The Emergence of Conspiratoriality. *Journal of Contemporary Religion*, 26(1), 103–121. DOI: 10.1080/13537903.2011.539846
- Wood, M. J., & Douglas, K. M. (2015). Online Communication as a Window to Conspiracist Worldviews. *Frontiers in Psychology*, 6, 836. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00836

THE CONSTRUCT OF THE CONSPIRATIVIST MENTALITY: A THEORETICAL MODEL

V. I. Pishchik

Vlada I. Pishchik

E-mail: vladaph@yandex.ru. ORCID 0000-0002-3909-3895

Don State Technical University, Gagarin Square 1, Rostov-on-Don, 344000, Russia.

Acknowledgements. The research was funded under the Russian Science Foundation (RSF) as part of research project #22-28-00520 “Transforming Conspiratorial Mindset of Youth in Generations Y and Z.”

Abstract. The construct of conspirativist mentality has not yet been sufficiently developed in psychology. The aim of the article is to describe theoretical foundations for building a construct of generational conspirativist mentality and form its theoretical model. The central category of the theory is defined as faith; the key concepts are belief in conspiracies, persuasions, and conspirativist attitudes. Various points of view regarding the notion of «belief in conspiracy» — those of historians, culture experts, linguists, and psychologists — were compared and juxtaposed. The attributes defining the concept were revealed. They are: narrowed worldview, irrationality, randomness, secretiveness, mythicity, plasticity, a socially constructed phenomenon, prejudice, and an explanatory pattern. Related concepts, such as conspiratorial attitudes, beliefs, thinking, interpretations, worldview, and culture, were correlated on the level of meaning. Time, situation, and personal characteristics are factors that scholars have relied upon in constructing models of conspirativist thinking, beliefs, and conspiracy beliefs. Available patterns of conspirativist thinking, as well as those of beliefs and conspiracy beliefs were analyzed. Hypothetically, four stages were determined for the perception of reality faith concerning information about a conspiracy: perception, emotional evaluation, acceptance / rejection, and assessment of the consequences. On the basis of the stages of accepting conspiracy information as true, we synthesized four varieties of conspirativist /mentality: willing — willing to accept the conspiracy; steady — rejecting belief in conspiracies; seeking — striving to identify the true reality of the conspiracy; and resultant — baffled by the consequences of conspiracy in the paradigm of belief or disbelief in conspiracies. The preliminary empirical testing of the construct, using the author's new methodology for measuring conspirativist mentality among 423 respondents (students of Rostov-on-Don higher educational institutions) allowed us to determine the two-factor model of conspirativist mentality and identify the possibility of the existence of mixed types of conspirativist mentality. The first factor integrated the steady and willing types, and the second factor combined the resultant and seeking types. In the future there are plans to carry out a follow-up empirical testing of the theoretical model.

Keywords: conspirativist mentality, belief in conspiracies, conspirativist beliefs, traditional / innovative mentality, types of conspirativist mentality, two-factor model.

DOI 10.31429/26190567-23-4-27-44

References

- Arteyev, S. P. (2022). Pandemiya COVID: Konspirologiya i antikonspirologiya [COVID Pandemic: Conspiracy and Anti-conspiracy]. *Vlast [Power]*, 30(1), 58–63.
- Beemster, T., Bijleveld, N., Treur, J. (2021). On Becoming a Conspiracy Thinker: A Second-Order Adaptive Network Model. *Procedia Computer Science*, 190, 51–63, DOI: 10.1016/j.procs.2021.06.007
- Boltanski, I. (2012). *Énigmes et complots: Une enquête à propos d'enquêtes*. P.: Gallimard.
- Brotherton, R., French, C. C., & Pickering, A. D. (2013). Measuring Belief in Conspiracy Theories: The Generic Conspiracist Beliefs Scale. *Frontiers in Personality Science and Individual Differences*, 4, 279. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00279.
- Bruder, M., Haffke, P., Neave, N., Nouripanah, N., & Imhoff, R. (2013). Measuring Individual Differences in Generic Beliefs in Conspiracy Theories Across Cultures: Conspiracy Mentality Questionnaire. *Frontiers in Psychology*, 4, 225.
- Dentith, M. R. X. (2016). When Inferring to a Conspiracy Might be the best Explanation. *Social Epistemology*, 30(5–6), 572–591. DOI: 10.1080/02691728.2016.1172362
- Dmitriyeva, O. A., Vanyushina, N. A. (2021) APF&PL [APF&PL]. *Tematicheskiy vypusk: Lichnost i obshchestvo v sovremennom tsivilizatsionnom prostranstve: yazyk i politika* [Thematic Issue: Personality and Society in the Modern Civilizational Space: Language and Politics], 4, 123–133.
- Douglas, K. M., & Sutton, R. M. (2023). What Are Conspiracy Theories? A Definitional Approach to Their Correlates, Consequences, and Communication. *Annual Review of Psychology*, 74(1). DOI: 10.1146/annurev-psych-032420-031329
- Douglas, K. M., Uscinski, J. E., Sutton, R. M., Cichocka, A., Nefes, T., Ang, C.S. and Deravi, F. (2019). Understanding Conspiracy Theories. *Political Psychology*, 40, 3–35. DOI: 10.1111/pops.12568

- Dugin, A. G. (2005). *Konspirologiya (nauka o zagovorakh, sekretnykh obshchestvakh i taynoy voyne)* [Conspiracy Theory (The Science of Conspiracies, Secret Societies and Secret Warfare)]. Moskva: Eurasia.
- Dyrendal, A., Kennair, L. E., & Bendixen, M. (2021). Predictors of Belief in Conspiracy Theory: The role of Individual Differences in Schizotypal Traits, Paranormal Beliefs, Social Dominance Orientation, Right Wing Authoritarianism and Conspiracy Mentality. *Personality and Individual Differences*, 173, 110645.
- fon Bibershtayn, I. R. (2010). *Mifo zagovore. Filosofiy, masonry, evrei, liberaly i sotsialisty v roli zagovorshchikov* [The Myth of the Conspiracy. Philosophers, Freemasons, Jews, Liberals and Socialists in the Role of Conspirators]. SPb.: Izd-vo im. N. I. Novikova.
- Franks, B., Bangerter, A., Bauer, M. W., Hall, M., Noort, M. C. (2017). Beyond “Monologicality”? Exploring Conspiracist Worldviews. *Front. Psychol.*, 8, 861. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00861
- Goertzel, T. (1994). Belief in Conspiracy Theories. *Political Psychology*, 15, 731–42. DOI: 10.2307/3791630
- Goryachev, V. A. (2012). Klassifikatsiya tipov very [Classification of Types of Faith]. *Sotsialno-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Socio-economic Phenomena and Processes], 3(37), 166–169.
- Green, R., Douglas, K. M. (2018). Anxious Attachment and Belief in Conspiracy Theories. *Pers. Individ. Differ.*, 125, 30–37. DOI: 10.1016/j.paid.2017.12.023
- Heider, F. (1958). *The Psychology of Interpersonal Relations*. New York: Wiley.
- Homans, G. C. (1964). Bringing man back in. *American Sociological Review*, 29(5), 809–818.
- Kadurina, N. V. (2013). Konspirologicheskiye podkhody k reprezentatsii politicheskikh protsessov [Conspiracy Approaches to the Representation of Political Processes]. *Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem* [Modern Research of Social Problems], 6(26).
- Kay, C. S. (2021). The Targets of all Treachery: Delusional Ideation, Paranoia, and the Need for Uniqueness as Mediators between Two Forms of Narcissism and Conspiracy Beliefs. *Journal of Research in Personality*, 93, 104128. DOI: 10.1016/j.jrp.2021.104128
- Kazakevich, I., Sinko, T. V., Pishchik, V. I. (2022). Model konstrukta otnosheniya pedagogov razlichnykh pokoleniy k neopredelennosti [The Model of Teachers’ Attitude to Uncertainty Construct: With the Main Focus on Different Generations of Educators]. *Science for Education Today* [Science for Education Today], 12(3), 31–47.
- Kazun, A. D. (2022). Konspirologicheskoye myshleniye: ponyatiye, izmereniye i factory [Conspiracy Thinking: Concept, Measurement and Factors]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 23(2), 91–117.
- Kazun, A. D., Porshnev, A. V. (2021). Kto verit v teorii zagovora? Faktory sklonnosti k konspirologicheskomu myshleniyu v Rossii, Kazakhstane i Ukraine [Who Believes in Conspiracy Theories? Factors of Propensity to Conspiracy Thinking in Russia, Kazakhstan and Ukraine]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes], 6, 549–565.
- Kelley, H. H. (1967). Attribution Theory in Social Psychology. *Nebraska Symposium on Motivation*, 15, 192–238.
- Kormina, Zh. (2015). Drozhzhi-ubiysy: gastronomicheskaya konspirologiya i kultura nedoveriya v sovremennoy Rossii [Killer Yeast: The Gastronomic Conspiracy and Culture of Distrust in Contemporary Russia]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 27, 142–175.
- Krüppel, J., Yoon, D., Mokros, A. (2023). Clarifying the Link between Anxiety and Conspiracy Beliefs: A Cross-sectional Study on the Role of Coping with Stressors. *Personality and Individual Differences*, 202, 111966, DOI: 10.1016/j.paid.2022.111966
- Melnikova, E. A. (2004). Eskhatologicheskiye ozhidaniya rubezha XIX–XX vekov: kontsa sveta ne budet? [Eschatological Expectations of the Turn of the XIX–XX Centuries: Will There be No End of the World?]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 1, 250–266.

- Moscovici, S. (1987). The Conspiracy Mentality. In *Changing Conceptions of Conspiracy* (pp. 151–169). New York: Springer.
- Panchenko, A. (2021). Lyuk Boltanski. Tayny i zagovory. Po sledam rassledovaniy [Luke Boltanski. Secrets and Conspiracies. In the Wake of Investigations]. *Laboratorium: zhurnal sotsialnykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research], 13(1), 161–168.
- Pierre, J. M. (2020). Mistrust and Misinformation: A Two-Component, Socio-epistemic Model of Belief in Conspiracy Theories. *J. Soc. Polit. Psychol.*, 8, 617–641. DOI: 10.5964/jspp.v8i2.1362
- Pishchik, V. I. (2019). *Mentalnost pokoleniy v tekuchey sovremennosti (nauchnaya monografiya)* [The Mentality of Generations in the Fluid Modernity (Scientific Monograph)]. Moscow: INFRA-M.
- Pishchik, V. I. (2021). Nartsissizm i uroven trevozhnosti Azerbaydzhanskikh i Rossiyskikh studentov s razlichnymi otsenkami autostereotipov povedeniya [Narcissism and Anxiety Level of Azerbaijani and Russian Students with Different Assessments of Autostereotypes of Behavior]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 42, 24–36.
- Pishchik, V.I. (2023). Izmerenie konspirativistskoj mental`nosti: pervichnaya psixometricheskaya proverka diagnosticheskoy metodiki [Measurement of conspirativistic mentality: primary psychometric verification of diagnostic methodology.]. *Rossijskij psixologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Journal], 20(1), 218–234. DOI: 10.21702/rpj.2023.1.14
- Pishchik, V. I., Lobacheva, A. O. (2022). Osobennosti religioznosti i very predstaviteley “Informatsionnogo” i “Novogo” pokoleniy [Features of religiosity and faith of representatives of the “Informational” and “New” generations]. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 13(1), 70–86.
- Poon, K-T., Chen, Z., Wong, W-Y. (2020). Beliefs in Conspiracy Theories Following Ostracism. *Pers. Soc. Psychol. Bull.*, 46, 1234–1246. DOI: 10.1177/0146167219898944
- Postnikova, M. I., Miklyayeva, A. V., Sivrikova, N. V., Regush, L. A. (2022). Izmeneniya zhiznestoykosti predstaviteley raznykh pokoleniy rossiyan v nachale XXI veka [Changes in the Hardiness of Generations’ Representatives of Russians at the Beginning of the XXI Century]. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 13(1), 87–103.
- Simmons, W. P., & Parsons, S. (2005). Beliefs in Conspiracy Theories among African Americans: A Comparison of Elites and Masses. *Social Science Quarterly*, 86, 582–598. DOI: 10.1111/j.0038-4941.2005.00319.x
- Sternisko, A., Cichocka, A., & Van Bavel, J. J. (2020). The dark side of social movements: social identity, non-conformity, and the lure of conspiracy theories. *Curr. Opin. Psychol.*, 35, 1–6. DOI: 10.1016/j.copsyc.2020.02.007
- Subbotsky, E. V. (2000). Phenomenalistic Perception and Rational Understanding in the Mind of an Individual: The Fight Foe Dominance. In K. Rosengren, C. Johnson, P. Harris (Eds) *Imagining the Impossible: The Development of Magical, Scientific and Religious Thinking in Children*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511571381
- Sutton, R. M., & Douglas, K. M. (2020). Conspiracy Theories and the Conspiracy Mindset: Implications for Political Ideology. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 34, 118–122. DOI: 10.1016/j.cobeha.2020.02.015
- Swami, V., Chamorro-Premuzic, T., & Furnham, A. (2010). Unanswered Questions: A Preliminary Investigation of Personality and Individual Difference Predictors of 9/11 Conspiracist Beliefs. *Applied Cognitive Psychology*, 24(6), 749–761. DOI: 10.1002/acp.1583
- Swami, V., Coles, R., Stieger, S., Pietschnig, J., Furnham, A., Rehim, S., & Voracek, M. (2011). Conspiracist Ideation in Britain and Austria: Evidence of a Monological Belief System and Associations between Individual Psychological Differences and Real-world and Fictitious Conspiracy Theories. *British Journal of Psychology*, 102, 443–463. DOI: 10.1111/J.2044-8295.2010.02004.X
- Swami, V., Furnham, A., Smyth, N., Weis, L., Lay, A., & Clow, A. (2016). Putting the Stress on conspiracy Theories: Examining Associations between Psychological Stress, Anxiety, and Be-

- lief in Conspiracy Theories. *Personality and Individual Differences*, 99, 72–76. DOI: 10.1016/j.paid.2016.04.084
- Thresher-Andrews, C. (2013). An Introduction into the World of Conspiracy. *The British Psychological Society*, 88, 5.
- Twenge, J., Campbell, W. K. (2009). *The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement*. New York: Free Press.
- van der Linden, S., Panagopoulos, C., Azevedo, F., and Jost, J. T. (2021). The Paranoid Style in American Politics Revisited: An Ideological Asymmetry in Conspiratorial Thinking. *Polit. Psychol.*, 42, 23–51. DOI: 10.1111/pops.12681
- van Prooijen, J.W., Ligthart, J., Rosema, S., & Xu, Y. (2022). The Entertainment Value of Conspiracy Theories. *British Journal of Psychology*, 113(1), 25–48. DOI: 10.1111/bjop.12522
- van Prooijen, J-W. (2017). Why Education Predicts Decreased Belief in Conspiracy Theories. *Appl. Cognit. Psychol.*, 31, 50–58. DOI: 10.1002/acp.3301
- Ward, C., & Voas, D. (2011). The Emergence of Spirituality. *Journal of Contemporary Religion*, 26(1), 103–121. DOI: 10.1080/13537903.2011.539846
- Wood, M. J., & Douglas, K. M. (2015). Online Communication as a Window to Conspiracist Worldviews. *Frontiers in Psychology*, 6, 836. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00836
- Yablokov, I. A. (2013). Teorii zagovora v sovremennykh politicheskikh ideologiyakh Rossii i SShA: naskolko marginalen yazyk konspirologii? [Conspiracy Theories in Contemporary Political Ideologies of Russia and The United States: How Marginal is The Language of Conspiracy?]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 4, 175–191.
- Yasko, B. A., Omelchenko, N. V., Babikova, E. S. (2022). Aktivizatsiya emotsionalno-tsennostnoy i regulatornoy sfer lichnosti v usloviyakh sistemnogo zhiznennogo krizisa [Activation of the Emotional-value and Regulatory Spheres of Personality in the Conditions of a Systemic Life Crisis]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsialnykh nauk* [South Russian Journal of Social Sciences], 23(1), 96–113.
- Zajenkowski, M., Górniak, J., Wojnarowski, K., Sobol, M., Jonason, P. K. (2022). I Need some Answers, Now!: Present Time Perspective is Associated with Holding Conspiracy Beliefs. *Personality and Individual Differences*, 196, 111723, DOI: 10.1016/j.paid.2022.111723
- Zhizhek, S., Milbank, D. (2020). *Monstruoznost Khrista* [The Monstrosity of Christ]. Publisher: Ripol-Classic.
- Zinovyev, A. A. (2014). *Russkaya tragediya (gibel utopii)* [Russian Tragedy (the Death of Utopia)]. Moskva: Izdatel'stvo Algoritm.

Received 02.12.2022

Accepted 25.12.2022

For citation: Pishchik V.I. The Construct of The Conspirativist Mentality: A Theoretical Model. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 23. No. 4. Pp. 27-44.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).